

Александр Ярощук. Джокер. Рассказ

Подходя к своему кабинету, Панов услышал непрерывную трель телефона. И какого чёрта звонят в такую рань!

Он не любил ни ранние, ни тем более поздние звонки. Они всегда вносили хаос в его устоявшийся годами график работы.

Вошёл в кабинет, разделся, сел за стол, но брать трубку не торопился. А телефон надрывался и надрывался, ненадолго умолкал и снова истерично требовал к себе внимания. Наконец на часах восемь. Панов поднял трубку.

– Владимир Данилович, здравствуй, будешь у себя в течение часа?

Панов узнал голос председателя профкома предприятия Гусарова.

– Куда ж я денусь? А в чём, собственно, дело?

– Разговор строго конфиденциальный, не телефонный, подъезжаю.

«Вот ведь вечный интриган, и чего я-то ему понадобился? Да какое-нибудь дело пустое, любит же человек воду мутить», – успокоил себя и принялся за обычные дела.

– Ты, поди, слышал, что объявили конкурс на должность директора завода? – начал с порога нервно Гусаров.

– Да, слышал про эту новую дурь кремлёвского балагура.

– А ты не хочешь подать заявление на участие в этом конкурсе?

– Да ты в своём? Что я ночью головой об косяк ударился?

– Ну как же? Ты авторитетный начальник цеха, к тому же яркий оратор, против тебя ни один на трибуне не устоит.

– И что, этого достаточно? Вот если б мне предложили должность начальника нашего производства, то, пожалуй, и согласился. Знаю всё производство досконально, во всех цехах отработал, но чтобы завод... Это, брат, авантюра. Много желающих?

– Ты бы только знал, сколько набралось – от слесаря до директора ДК. Хорошо, что заблаговременно создали комиссию по отбору кандидатов.

– Эти люди с головой не дружат. Ну, а ты-то сам?

– Образование, Владимир, у меня гуманитарное – Высшая партийная школа. Да я к тому же в этой комиссии, и договорились, что её члены не выдвигаются в кандидаты, – заметил Гусаров.

Панов едва сдержал усмешку – ВПШ как высшее образование никто всерьёз не воспринимал. Ликбез политический для партийных, профсоюзных и комсомольских лидеров, да и только.

– А Миловидов?

– Ему эта головная боль зачем? Он и так на прекрасном месте. Знай только указания раздавай да наказания развешивай. И какая у парторга ответственность?

– Ну, не упрощай. Я зачем тебе понадобился?

– Мы в комиссии посоветовались и решили предложить тебе выдвинуться.

– Ну, блин, мужики, вы и даёте! Это что, розыгрыш?

– Нет, не розыгрыш – это всё гораздо серьёзней, чем ты думаешь. Сейчас на заводе сложились четыре противоборствующие группировки, и в каждой свой кандидат. Так как я в гуще народа, то знаю настрой людей. За каждую группировку, или, точнее, её лидера, примерно равное количество голосов.

– А твой интерес в чём?

– Мы, профсоюзы, хотим своего протащить. Возьми Финляндию, Швецию. Семьдесят процентов высших должностных лиц – выдвиженцы профсоюзов. И в этом есть логика: они из народа, знают его нужды, вот потому у них и жизнь организована почти как при коммунизме.

– Резонно. А чем вас нынешний директор не устраивает?

– Продукт отживающей формации. Видишь сам, как ежемесячно нарастают задержки заработной платы. Кроме того, по конторе ходят слухи, что часть денег от экспорта оседает в его карманах. Нужны новые идеи, новые люди с другими подходами. Надо всем перестраиваться, о чём везде толкует генсек и для чего им и задуманы свободные выборы.

– Ох, уж эти слухи – множатся как мухи-дрозофилы. Любят селиться там, где денежно и сладко. Не верю этому. Но я-то тебе зачем?

– Ты у нас будешь... джокером!

– Это ещё что за зверь?

– Ты в покер не играл? Никогда? Тогда тебе долго объяснять, скажу просто: во время игры в колоду, состоящую из пятидесяти двух листов, запускают для азарта и интриги пустой – джокер, иногда даже два. Кстати, самый крупный картёжный выигрыш случился с помощью джокера. Вот среди пяти кандидатов ты будешь шестым – джокером. В самый разгар конференции, перед тайным голосованием, ты берёшь слово и... отказываешься от участия в выборах в пользу нашего кандидата. Но для этого тебе нужно провести предвыборную агитацию, подготовить программу, и тогда мы выиграем.

– Но у меня нет времени на ваши игры – ни на агитацию, ни на составление программы, у меня в цехе работы по горло.

– Да не ломай голову, всё продумано. Мы тебе организуем в обеденные перерывы людей, обеспечим машиной... и программу уже подготовили. Тебе остаётся только её озвучить.

– Похоже на шулерство. Не подозревал, что ты такой циник. Это же нечестно.

– А где ты видел честные выборы? Ещё Сталин изрёк – важно не кто голосует, а кто голоса считает. У директора, по нашим сведениям, целых два джокера идут. Кроме того, для надёжности они в регламент конференции включили пункт, позволяющий перед вторым туром провести обсуждение двух оставшихся кандидатов. С помощью министерских бонз надеются склонить мнение делегатов в свою сторону.

– Но мне-то, какой интерес?

– Самый что ни на есть. Ты сейчас заикнулся насчёт начальника производства – будешь им.

– Мало будет, – без восторга ответил Панов.

– А что бы ты ещё хотел?

– Ну, – Панов призадумался, – квартиру четырёхкомнатную, талон на «Волгу», место под кооперативный гараж, дачный участок на десять соток, талоны на полные собрания: Тургенева, Тютчева...

– Остановись, остановись, ишь губу раскатал, может, под неё тебе и закаточную машинку подобрать? Всё будет, зуб даю, главное, чтобы ты по-настоящему сыграл роль джокера.

– Мне бы гарантию самого...будущего директора. Кстати, кто он?

– Пока это секрет, за неделю перед выборами узнаешь.

– Хорошо, договорились.

– Ну и славненько. Через два дня я подвезу график твоих встреч с избирателями, программу кандидата и, благословясь, начнём. Не подведёшь?

– Да ты что? Ты же меня знаешь, моё слово – кремень!

– Тогда до встречи.

Когда за Гусаровым закрылась дверь, Панов долго не мог придти в себя. Дела! Потом решил: ну поиграюсь, повыступаю перед народом. Что? Впервой? Так, может, и впрямь получу квартиру, приобрету «Волгу», дачку... Буду или нет начальником производства, это уж дело второстепенное...

Через два дня, как и обещал, подъехал Гусаров.

График встреч был принят без вопросов, но в обсуждении программы возникли трения.

– Вот скажи, – обращался Панов к Гусарову, – как я могу обещать всем желающим садовые участки по пять-десять соток вместо трёх?

– Обещай твёрдо. Если коллектив градообразующего завода потребует, то местная власть пойдёт на некоторые уступки, пусть не на десять, но на четыре или пять согласится, тем более что речь идёт о неудобницах.

– Ну, хорошо, пусть будет так. А вот поднять уровень зарплаты за счёт премии на 50-70 процентов? Это как? У нас и так сужается рынок сбыта, кругом растут конкуренты: ФРГ, Китай. Это же чистейший популизм!

– Обещай и всё!

– Или вот пунктик: есть намерение организовать прямые поставки «Жигулей» с автозавода и всех нуждающихся в течение трёх лет обеспечить автомобилями. Утопия!

– Да, тут ошибочка вышла. Правим – в течение двух лет!!! – И Гусаров рассмеялся.

– За пятилетку обеспечить квартирами всех, кто проработал на заводе свыше десяти лет. Это как понимать?

– Ну, Владимир, ты прям как пацан! Это же только твоё желание, но не обязательство, а воплотится ли оно в реальность – дело десятое. Обрати внимание, пункт идёт в разделе намерений. На эту тонкость никто и не обратит внимание. Кстати, что ты так въедливо вцепился в программу, словно тебе её выполнять? Твоя роль – джокер! Уж не собираешься ли разыграть собственную партию?

– Упаси бог, я только, чтоб народ не заметил подвоха.

– Не переживай! Вспомни притказку из фильма «Буратино»: на дурака не нужен нож, ему с полкороба наврёшь и делай с ним тогда, что хошь!

– Но потом могут с меня и спросить.

– За что? Ты же своих избирателей переадресуешь нашему кандидату, а у него другая, более реальная программа. Он их сразу и отошьёт: «Я этого не обещал!» Если к тебе сунутся, ты им в ответ: «Я бы всё сделал, если бы стал директором».

– Да, ребята, уж очень вы ушлые, как посмотрю на вас. И где только нахватались?

– В ВПШ, мой дорогой друг, в ВПШ!

– А как быть с конкурсной комиссией?

– Не заморачивайся, Владимир, для тебя это будет чистая формальность. Напиши заявление – и все дела.

Уже на третьей встрече с избирателями Панов вошёл в свою роль кандидата и общался без всяких бумажек. Откуда что взялось! Обещал всё направо и налево, а в конце выступления покидал трибуну под гром оваций: «Наш человек! Наш директор!»

За неделю до выборов в кабинете Панова вновь появился Гусаров.

– Задел ты, Владимир, сделал хороший, можешь больше на встречи не ездить. Если всё пойдёт, как задумали, директором будет наш человек.

– Так кто же он?

– Шемякин Валентин Васильевич – механик цеха, да знаешь ты его.

– Знать-то знаю. Только он себя нигде не проявил. Какая-то серая лошадка. Неужели других не нашлось? Вон у нас начальники производств такие яркие авторитетные личности, а вы – Шемякин!

– Да будет тебе известно, у него два высших образования: технический и экономический вузы. К тому же очень трудолюбивый и наичестнейший.

– Хорошо. Пусть будет по-вашему. Только я про своё житейское – пусть даст мне гарантию.

– Я с ним говорил обо всех твоих просьбах, он клянётся честью, что выполнит.

– Мне нужна его личная гарантия.

– Он сейчас очень занят. Да будет тебе всё! Ну не расписку же тебе давать!

– Ладно, поверю.

– Теперь о главном. Никакой самодеятельности – жди моего сигнала. Только по нему и будешь действовать. Меня до конференции здесь не будет, улетаю в Москву. Ещё, во время выборов меня не ищи, сам тебя найду. До скорого, Джокер!

Дом культуры заполнен до отказа. У всех приподнятое весёлое настроение. А как же! Впервые за всю историю страны по указу первого президента СССР трудящиеся получили возможность выбрать своего директора.

Панов толкался в вестибюле, ожидая Гусарова. Но того нигде не было видно. Началась регистрация делегатов, и сразу всё пошло не так.

Читая список представленных кандидатов, Панов с изумлением обнаружил в нём самого Гусарова! Как же так? Он же твердил, что выставляться не имеет права, и вот на тебе! Так в пользу кого он должен снять свою кандидатуру? Шемякина? Гусарова?

Время идёт, уже все в зале, а Панов с нетерпением ждёт Гусарова и его сигнала. Посылает своего друга найти шефа. Через некоторое время посланец возвращается и докладывает, что тот от него, то бишь Панова, отмахнулся как от назойливой навозной мухи. Занят переговорами с какой-то московской шишкой!

И Панов закипел, эмоции через край, как молоко из раскалённой кастрюли. «Это как же так? Столько пахал на встречах, мечтал об улучшении жизни, о некоторых льготах. Даже домашним давал понять, что скоро их жизнь изменится в лучшую сторону. А ещё, дурак, два новых костюма купил в расчёте на будущий карьерный рост. Вот уж поистине размечтался. А его как туалетную бумагу использовали! Ах, ты, Гусаров, интриган несчастный, какой коварный человек. Но я вам всю игру испорчу! Не я буду».

Он, в смятении и смущённый ролью претендента, пробрался в последний ряд. Тут пришли на ум слова из песни В.Высоцкого:

Может, сзади и не так красиво,

Но намного шире кругозор,

Больше и разбег, и перспектива,

И ещё – надёжность и обзор.

Первым выступил действующий директор со своей программой. Цифры, цифры, проценты, проценты. Деловито, но скучно. Как на обычном партийно-хозяйственном активе. Все ждали не этого. Народ жаждал радикальных перемен, к которым призывал президент. Проводили слабыми аплодисментами – из вежливости. «Не проходной», – подумал Панов.

Следующим на лобное место поднялся Шемякин. И тут новая неожиданность! Вставший прямо в зале делегат обвинил его в воровстве, взяточничестве, привёл конкретные факты и добавил, что им уже занялся ОБХСС. Эх, как заревел зал! Не дали тому даже слова сказать, согнали с трибуны.

Далее пошли две кандидатуры, которые, как подозревал Гусаров, должны сняться в пользу директора. Не снялись. Это окончательно запутало ситуацию в голове Панова.

Тут настала и его очередь. Что же делать? Все их задумки рухнули. Ну не отступить же с позором. И пока шёл с последнего ряда к сцене, решил выступить, как всегда, а там будь что будет. Никогда ещё так ярко и пламенно не говорил о необходимости грядущих перемен. Когда он покидал трибуну, зал сотрясали аплодисменты, неслись уже знакомые ему выкрики: наш человек, вот кто нам нужен, свежая кровь! Пожимали руку на ходу в проходе совсем незнакомые люди, как популярному артисту.

Выступление Гусарова было бледно и неубедительно. Да и сам он выглядел растерянным, очевидно, ожидал с минуты на минуту, что кто-нибудь тоже встанет и обвинит его в нарушении решения комиссии. «Если Гусаров пройдёт во второй тур, то я ему уступлю, – подумал, оттаяв сердцем Панов. – А если нет, то кому?!» А в том, что сам он уже во втором туре, уже не сомневался.

Наконец выступления претендентов закончились, объявили перерыв для голосования. Все вышли из зала: в буфет, на улицу перекурить, а некоторые в вестибюль – уже понесли свои голоса к урнам. Панов сразу скрылся в буфете, взял стакан минералки, бутерброд – снять напряжение, от которого трясло как в лихорадке. Подходили знакомые и незнакомые делегаты, поздравляли, желали удачи во втором туре.

Подошёл директор Дома культуры и вручил пропуск в банкетный зал. Тихо добавил: «Администрация приглашает к застолью. Будут все кандидаты, городская власть, представители министерства. Но после выборов». Как же они уверены в своей победе! Однако Гусаров так и не проявился.

После долгого ожидания пригласили в зал для оглашения результатов голосования. Поднявшись на трибуну, председатель счётной комиссии улыбнулся и громко начал:

– Приятная для всех избирателей новость – второго тура не будет. – Вырвался вздох облегчения. – Со счётом семьдесят пять и три десятых процентов голосов победил... – тут он сделал паузу, окинул взглядом притихший зал и выдохнул: – Панов Владимир Данилович!

«Не может этого быть! Я не хотел этого!» – чуть было не закричал с галёрки Панов.

Зал сначала онемел от неожиданности, а потом грохнули аплодисменты. Победителя пригласили на трибуну, где он пообещал, не щадя себя, всё сделать для народа и поблагодарил за доверие.

От него не ускользнуло, что все важные персоны вместе со своими кандидатами–каменные маски вместо лиц– стремительно покинули помещение.

Когда народ практически разошёлся, с грустной физиономией появился Гусаров.

– Поздравляю, Владимир Данилович! Здорово ты разыграл свою партию. Далеко пойдёшь. Настоящий Джокер – такой банк сорвал!

– Извини, брат. Уж получилось, как получилось. Я до последней секунды ждал твоего сигнала, как договаривались, и не я виноват. Ты сам дров наломал.

– А что мне оставалось делать? Мне шепнули, что готовят провал Шемякину. Вот я и рискнул.

– Ну не переживай, я тоже не худший вариант. Кстати, что обещал мне, на это сам можешь рассчитывать, всё остаётся в силе. Да не обижайся, я человек незлопамятный – зло сделаю и не помню,– хохотнул Панов.

– Да пошёл ты... А то, что обещаешь, у меня уже всё есть.

Последним подошёл директор. Уже бывший. Пожал руку и, взглянув добрыми серыми глазами, мягко произнёс:

– Поздравляю, Владимир Данилович! Сейчас я отчётливо вижу, что ты засиделся в начальниках цеха. Жаль, что я не разглядел этого раньше. Моя вина. Но должен заметить, что в сложное время тяжкое бремя на себя взвалил. Лично я тебе не завидую. Впрочем, желаю удачи.

– А как Вы-то теперь?

– Да за меня не беспокойся, я номенклатура министерства. Там за меня похлопочут.

– Пойдёмте на банкет!

– Нет. Это твой праздник, а мы свои раны будем зализывать в другом месте. И вот ещё что. Если потребуется совет или помощь какая, обращайся. Всегда буду рад помочь.

Он отошёл, а Панов задумался. Разве может такой умный, тактичный, добрый человек обирать свой заводской коллектив? Всё врал Гусаров.

– Не сердчай, брат, – хлопнул покровительственно Панов своего бывшего предводителя по плечу, быстро вживаясь в новую для себя роль – пойдём, дёрнем по соточке. Для меня это тоже, понимаешь... Ты же сам меня породил.

За обильным столом, накрытым человек на сорок, их оказалось всего шестеро. Сам избранник, поверженные Шемякин с Гусаровым, ведущий конференцию, председатель счётной комиссии, директор Дома культуры.

– Зови весь свой персонал, – распорядился Панов, обращаясь к директору ДК.

– Да им как то неудобно.

– Скажи, директор каждого персонально приглашает!

Шемякин набрался сразу до упада, а вот Гусаров прихлёбывал дорогой армянский коньяк как горькую микстуру и всё причитал:

– Не то обидно, что проиграл, я и не очень-то верил в успех. Ну, хотя бы фифти-фифти с тобой. Но вот так! Набрать только семь процентов! Тем более что обе программы написаны одной рукой. Моей! Слово в слово. Как мне теперь с народом работать, а? Вот ты скажи, Владимир Данилович, как мне-то быть, – хныкал по-детски комбинатор-политтехнолог. – Всё произошло точно в сказке – баба слепила Глиняшку, а тот её и сожрал.

– Просто вы, многолетние лидеры, уже всем порядком надоели. Говорите хорошо да гладко, а вот жизнь простого работяги в течение уж многих лет не меняется в лучшую сторону. Только хуже стала. Да ещё сверху народ провоцировали – всем хотелось новизны, только и орали: «Перемен! Мы ждём перемен!»

Тут поднесли Панову папку для срочной подписи документов как новому директору и авиабилет на завтрашний день в Москву: предстояло заседание коллегии министерства.

– Не страдай, Гусаров, приеду, всё подправим, – только так он и мог утешить бедолагу.

Самолёт коротко промчался по полосе и, плавно оторвавшись, взмыл в небо. В салоне первого класса Панов разглядывал в окно панораму города. Он уже понимал, что вошёл в круг особых лиц, который зовётся номенклатурой, и перед ним разворачивается жизнь, как разбегающийся во все стороны горизонт.

Но он не мог и подумать, что наступает новая эпоха, и кремлёвский безвольный болтливый идеалист сдаст зарубежных друзей по Варшавскому договору, затем позволит развалить великую державу. И неуважаемый своим народом, вынужден будет мотаться по чужбине, собирая подачки со столов наших бывших заклятых врагов, опустившись до рекламы заокеанской жрачки. (Стыдобища-то какая! Уж повесился бы, как Иуда, что ли!)

А ослабевшую страну станут рвать на куски обнаглевшие нелюди, жадные до власти, денег и всего чужого.